

поэтому дословно воспроизвела это известие. При вторичном редактировании текста, т. е. уже Царственной книги, автор приписок зачеркнул конец летописного рассказа, объясняющий поражение общими словами: «по грехом за небрежение». Взамен этих слов он написал имена виновников поражения: «Тогда же быша тамо воеводы князь Петр Щенятев, да князь Константин Шкурлятев, да князь Михаи... Воротынский и разопрешася о местех и того ради не пойдоша помогать тем местом, и того ради татарове попленивше многих людей, отъидоша».¹¹ Выдвинутое здесь обвинение не соответствует и не может соответствовать действительности, так как названные князья в указанное время находились в разных местах и вместе не служили. С другой стороны, все они попали в опалу к моменту редактирования Царственной книги.

Не очевидно ли, что ложное обвинение в поражении 1545 г. не возникло при редактировании Синодального списка, потому что первое редактирование происходило до того, как эти князья вызвали против себя гнев Грозного? Это ложное обвинение возникло только при вторичном редактировании, которое происходило тогда, когда все названные князья оказались уже опальными.¹²

Впрочем, и без этого и других новых примеров налицо достаточное количество данных, позволяющих утверждать, что приписки делались в два приема — в первый раз до 1564 г., второй раз — после этого года, однако не позже 1568 г. В 1568 г. редактирование Царственной книги должно было быть уже закончено, так как царь берет из архива на просмотр следующую за ней часть подготовленного летописного текста.¹³

Как видим, представления Н. Андреева о времени написания приписок противоречат очевидным данным источников.

Все свои суждения Н. Андреев строит исключительно на материале одной только приписки о боярском «мятеже» 1553 г. Остальные приписки оказались вне его рассмотрения. Некоторые из них только названы в перечне событий, о которых мог знать Висковатый.¹⁴ Между тем редактор Лицевых сводов сделал в общей сложности 98 приписок и поправок к тексту. 48 из них имеют чисто редакционный характер, остальные 50 либо исправляют, либо дополняют текст.¹⁵

Мне представляется, что нельзя исследовать вопрос об авторстве древнего писателя иначе, как на основании совокупного изучения всех его произведений, дошедших до нас. В данном случае такой подход особенно необходим, так как все приписки являются частями одной общей работы.

Единственную приписку, которая попала в поле зрения Н. Андреева, — приписку о «мятеже» 1553 г., — он тоже не исследует ни с точки зрения соотношения ее с другими памятниками эпохи, ни с точки зрения судеб

¹¹ Там же.

¹² См.: Д. Н. Альшиц. Источники и характер редакционной работы Ивана Грозного над историей своего царствования. — Труды ГПБ, т. I (IV). Л., 1957, стр. 141—142, прим. 1. — Пользуюсь случаем указать на опечатку, вкравшуюся сюда на стр. 141, где вместо 1553 следует читать 1563.

¹³ Д. Н. Альшиц. Иван Грозный..., стр. 281, 282, прим. 100—102. — Нельзя принять и аргумент Н. Андреева в пользу написания всех приписок разом после 1568 г., состоящий в том, что до казни Владимира Андреевича о нем не стали бы неуважительно писать, поскольку он был родственником царя. Здесь Н. Андреев опять-таки игнорирует конкретные данные источников и моего исследования, в частности вопрос о судьбе формулы «государев брат» в различных списках Никоновской летописи, писавшихся бесспорно до казни Владимира Андреевича (см.: Д. Н. Альшиц. Иван Грозный..., стр. 255—256, прим. 16).

¹⁴ N. Andreyev, стр. 114—115.

¹⁵ Д. Н. Альшиц. Источники и характер..., стр. 143.